

Andy Smith

Я не твоя,

МАЙОР!

Andy Smith

Я Не Твоя, Майор!

<https://litres.ru/74416527>

Аннотация

— Двенадцать миллионов рублей, — жестко произносит он.
— Столько должен твой отец. Но я закрою этот долг сегодня же.
— Чего вы хотите взамен? — мой голос дрожит, хотя я стараюсь смотреть на него уверенно. — Мне нужна жена. Фиктивная. На полгода.

Тимур Рагозин — бывший майор спецназа, человек из стали, привыкший отдавать приказы. Я для него — лишь пункт в контракте. Удобная сделка. Я уверена, что смогу вытерпеть этого властного и холодного мужчину ровно шесть месяцев. Но мы оба ошиблись. Особенно когда в мою жизнь возвращается жестокий сталкер-бывший, а мой «ненастоящий» муж вдруг решает, что теперь я — его личная территория. И за свою женщину он готов рвать на части.

В книге вас ждет:

- ✓# Властный, жесткий, но надежный герой (бывший военный)
- ✓# Фиктивный брак и вынужденное сожительство
- ✓# Противостояние характеров и искры напряжения
- ✓# Опасность, драма и защита от преследователя
- ✓# От ненависти до любви

☆ ЭКСКЛЮЗИВНО НА ЛИТНЕТ КНИГА ЗАКОНЧЕНА!

♥# Не забудьте добавить книгу в библиотеку и поставить лайк (звездочку), чтобы не потерять историю и поддержать автора! Проды выходят регулярно.

Содержание

Другие мои романы	5
Глава 1. Выйдешь за меня. Это приказ	6
Глава 2. Три дня	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Другие мои романы

♥# Дорогие читатели, добро пожаловать в новую историю! Если вам нравятся сильные герои, искрящее напряжение и неподдельные эмоции, приглашаю заглянуть и в другие мои романы:

«Две полосы в квадрате, или Майор в осаде»

<https://litnet.com/shrt/fgzJ>

(Властный герой, неожиданная беременность, противостояние)

«Не спасай меня от мафии»

<https://litnet.com/shrt/sFOl>

(Опасность, криминальные тайны, от ненависти до любви)

«Не прощу измену»

<https://litnet.com/shrt/Enwb>

(Драма, предательство, сильная героиня, которая начинает с чистого листа)

Не забудьте подписаться на мою страницу, чтобы не пропускать новинки!

А теперь — приятного чтения!##☆☆

Глава 1. Выйдешь за меня. Это приказ

Кот опять сожрал фикус.

Дина стояла посреди кухни, держа в руках обгрызенный горшок, и смотрела на рыжее наглое существо, которое развалилось на подоконнике с видом абсолютного превосходства. Земля — на полу, на столе, на её белой футболке. Листья — частично тут же, частично, надо полагать, уже в коте.

— Бисмарк, — сказала она тихо. — Ты... невыносимое создание.

Кот зевнул. Широко, с оттяжкой, показав розовую пасть и все свои наплевательские зубы. Потом повернулся задом и принялся вылизывать лапу.

— Третий фикус за два месяца, — Дина поставила горшок на стол, стряхнула землю с футболки и выдохнула. — Третий. Я тебя предупреждала? Предупреждала. Я говорила: «Бисмарк, это растение, оно живое, его не едят»? Говорила. И что?

Бисмарк не удостоил её ответом.

Дина плюхнулась на табуретку и потёрла глаза. Половина седьмого вечера, четверг, за окном — мокрый апрельский город, в холодильнике — сыр, полбатона и сомнительного вида кефир, на счету — ровно столько, чтобы дотянуть до

зарплаты и не помереть. Обычная жизнь. Нормальная. Ей двадцать шесть, она ветеринар в частной клинике «Четыре лапы», у неё однушка в ипотеку, рыжий кот-террорист и ни одного мужика на горизонте.

И это, между прочим, — лучшее, что с ней случилось за последние два года.

После Родиона... нет. Стоп. Не думать о Родионе. Не сегодня. Не сейчас. Вообще никогда, желательно.

Она встала, сгребла землю в совок, выкинула, полила жалкие останки фикуса — скорее по привычке, чем из надежды — и включила чайник. Можно было бы заказать еду, но... нет. Сыр и батон. Ужин чемпионов.

Телефон зазвонил, когда она уже откусила первый бутерброд.

Номер высветился знакомый. И от этого номера у Дины привычно дёрнулось что-то под рёбрами — не радость, нет. Тревога. Как сигнализация, которая срабатывает за полсекунды до удара.

Отец.

Она жевала и смотрела на экран. Первый гудок, второй, третий. Можно не брать. Он позвонит завтра. Или через неделю. Или через месяц — как обычно. Когда ему нужны деньги. Или когда он напьётся и начнёт плакать в трубку, что мать его бросила, что жизнь несправедлива, что Дина единственный человек, который...

Четвёртый гудок.

Она сглотнула бутерброд и нажала «ответить».

— Да, пап.

— Диночка...

Дина замерла. Не «Дин», не «слушай, тут такое дело» — а «Диночка». Он так не называл её... Господи, она даже не помнила, когда последний раз.

— Диночка, мне нужно, чтобы ты приехала. Сейчас. Пожалуйста.

Голос был странный. Не пьяный — она научилась различать ещё в школе, — а какой-то... сдавленный. Как будто кто-то держал его за горло. Не буквально, но...

— Куда приехала? — спросила она осторожно. — Пап, ты дома?

— Нет. Я... — шорох, будто он оглядывался. — Я скину адрес. Просто приезжай, ладно? Быстро. Очень тебя прошу.

— Что случилось?

— Приедешь — объясню.

— Пап...

— Дина. — Голос треснул. — Пожалуйста.

Гудки.

Она сидела с телефоном в руке, и бутерброд лежал на столе, забытый. Бисмарк повернул голову и посмотрел на неё — внимательно, как умеют только коты. Будто знал.

— Не смотри так, — сказала ему Дина. — Я сейчас вернусь.

Она знала, что врёт. Не Бисмарку — себе.

Через сорок минут — пробки, дождь, дворники скрипят по стеклу, таксист молчит, и спасибо ему за это — Дина стояла перед зданием, которое не имело никакого отношения к жизни её отца.

Бизнес-центр. Стекло, бетон, подсветка. Один из тех новых комплексов на набережной, где аренда одного этажа стоит больше, чем Дина заработает за пять лет. Вывеска у входа — строгая, без лишнего: «Рагозин Секьюрити».

Рагозин. Что-то знакомое, но она не могла вспомнить — откуда.

Внутри — мрамор, приглушённый свет, охранник за стойкой, который посмотрел на неё так, будто она пришла сюда продавать печенье.

— Ежова. Дина Ежова. Меня... ждут.

Она сама не знала, ждут ли. Но охранник кивнул, проверил что-то на экране, выдал пропуск и указал на лифт.

— Двенадцатый этаж. Вас встретят.

Лифт ехал бесшумно. Дина смотрела на своё отражение в зеркальной стенке: мокрые волосы, старая куртка, кроссовки, под глазами — тени от недосыпа. Красавица, блин. Королева бала.

На двенадцатом её действительно встретили — девушка в сером костюме, идеальная укладка, идеальная улыбка, идеальный голос:

— Дина Сергеевна? Прошу, следуйте за мной.

Коридор. Ещё один коридор. Дверь — тяжёлая, тёмное

дерево. Девушка открыла, пропустила Дину вперёд и закрыла за ней.

Кабинет был большим. Очень большим. Панорамное окно во всю стену — ночной город внизу, огни, мост, река. Стол — массивный, тёмный. Два кресла напротив.

В одном сидел её отец.

Дина узнала его не сразу. Не потому что он изменился — а потому что она никогда не видела его таким. Сергей Ежов, пятьдесят три года, вечно бодрый, вечно с шуточкой, вечно «да ладно, Дин, всё путём, не грузись» — сидел в кресле и выглядел так, будто из него выкачали весь воздух. Пиджак мятый, ворот рубашки расстёгнут, лицо серое. Руки — на подлокотниках, и пальцы подрагивали.

— Пап... — Дина шагнула к нему. — Что...

— Сядь, — сказал кто-то.

Не отец. Голос шёл от окна.

Дина обернулась.

Он стоял у панорамного стекла — спиной к городу, лицом к ней. Руки в карманах тёмных брюк, рукава рубашки закатаны до локтей, верхняя пуговица расстёгнута. Ни галстука, ни пиджака, ни попытки произвести впечатление. Ему это было не нужно.

Потому что впечатление он производил и без этого.

Высокий. Широкоплечий. Коротко стриженные тёмные волосы. Скулы резкие, подбородок тяжёлый, нос чуть с горбинкой — видно, что ломали, может, и не раз. Шрам на ле-

вой брови — маленький, белёсый. Глаза — тёмные, внимательные. Из тех, что смотрят не на тебя, а сквозь тебя. Рентген, а не взгляд.

Ему было лет тридцать с чем-то. Может, тридцать два. Может, тридцать пять — с такими лицами не угадаешь. Они не стареют — они тяжелеют.

— Сядь, — повторил он. Спокойно. Как говорят «передай соль». — Пожалуйста.

Это «пожалуйста» было приклеено в конец фразы, как бантик к кирпичу. Для красоты. Смысла не меняло.

— Я постою, — сказала Дина.

Он чуть наклонил голову. Посмотрел на неё — секунду, две. Потом кивнул.

— Как хочешь.

Отец рядом шевельнулся.

— Дин, — голос хриплый, — Дин, это Тимур Аскарлович. Рагозин. Ты... сядь, правда.

— Пап, объясни мне, что происходит. Прямо сейчас.

Тишина. Отец смотрел в пол. Рагозин смотрел на неё. Никто не говорил.

— Ладно, — Дина скрестила руки на груди. — Тогда я спрошу по-другому. Почему ты сидишь в чужом офисе в десять вечера и выглядишь так, будто тебя... — она запнулась, потому что хотела сказать «будто тебя вытащили из-под земли», но вовремя прикусила язык, —...будто случилось что-то серьёзное?

Отец открыл рот. Закрыл. Снова открыл.

— Я задолжал денег, — сказал он. Тихо. Как признание на исповеди. — Много денег, Дин.

— Сколько?

Отец сглотнул и отвёл глаза.

— Пап. Сколько?

— Двенадцать миллионов.

Дина моргнула.

Двенадцать...

— Рублей? — вырвалось у неё, хотя она уже знала ответ по его лицу.

Отец кивнул. И этот кивок был таким жалким, таким раздавленным, что Дина почувствовала, как пол поехал у неё из-под ног.

Двенадцать миллионов. Рублей. Её отец.

— Как? — Она слышала собственный голос как будто со стороны. — Как это... откуда?

— Покер, — тихо ответил Рагозин от окна.

Дина перевела на него взгляд. Он стоял так же — руки в карманах, спина прямая, — и смотрел на неё без выражения. Без сочувствия, без насмешки. Просто — факт.

— Ваш отец играл. Много и долго. Последний год — в частном клубе, с серьёзными людьми. — Он помолчал. — С очень серьёзными людьми.

— Я не... — Дина повернулась к отцу. — Ты играл?! Ты... снова?!

Он не поднял глаз.

Снова. Вот оно — это слово. Снова. Потому что в первый раз это было, когда ей было четырнадцать. Тогда — проигранная квартира, мамин инфаркт на нервной почве, развод, перелом всей их жизни пополам. Тогда он клялся — больше никогда. Никогда. Он обещал. Он плакал и обещал.

— Ты обещал мне, — сказала Дина. Голос не дрожал, нет. Он стал плоским. Мёртвым. — Ты обещал, что больше никогда.

— Я знаю, — прошептал он. — Я знаю, Дин. Я... я думал, что смогу контролировать. Что в этот раз...

— В этот раз?! — Она сжала кулаки. — В этот раз?! Двенадцать миллионов, пап! Двенадцать!

— Дина, — тихо сказал Рагозин.

Она развернулась к нему.

— Что?!

Он даже не дёрнулся. Стоял, смотрел.

— Сядь. Я расскажу, зачем ты здесь.

— Зачем я здесь, — повторила она. — Отличный вопрос. Я тоже хочу знать. Зачем я здесь? Он, — кивок в сторону отца, — задолжал вам? Это ваш клуб? Ваши деньги?

— Нет.

— Тогда какое вы имеете отношение...

— Я выкупил его долг.

Дина уставилась на него.

Дина смотрела на него и чувствовала, как слова медленно

укладываются в голове, одно за другим, как кирпичи в стену, которую ей очень не хотелось видеть.

— Выкупили, — повторила она. — Зачем?

Рагозин отошёл от окна. Медленно, не торопясь, обошёл стол, сел на его край — не в кресло, на край. Ближе к ней. Вытянул одну ногу, вторую оставил на полу.

— У людей, которым задолжал ваш отец, — начал он, — специфические методы взыскания. Ваш отец пришёл ко мне. Попросил помощи.

— Попросил, — Дина посмотрела на отца. Тот сидел, опустив голову. — Ты пошёл к чужому человеку... просить...

— Тимур Аскарлович — не чужой, — выдавил отец. — Мы... я работал на его компанию. Два года назад. Охранником. Он... знал меня.

— Охранником, — повторила Дина.

Каждое новое слово было как слой грязи на и так уже грязном стекле. Отец работал охранником у Рагозина. Проигрался в покер. Пошёл к бывшему работодателю. Притащил сюда дочь.

— Ладно, — она глубоко вдохнула. — Хорошо. Допустим. Вы выкупили долг. Это... спасибо? Наверное? Я не понимаю, зачем я здесь, но если нужно обсудить рассрочку или...

— Не рассрочку.

Рагозин смотрел на неё. И что-то в его взгляде изменилось — не потеплело, нет. Стало... острее. Как будто он прицеливался.

— Тогда что? — спросила Дина.

— Мне нужна жена.

Тишина.

Такая тишина, что Дина услышала, как за окном, далеко внизу, проехала машина.

— Простите... что?

— Жена, — повторил он так же спокойно. — На бумаге. Контракт на полгода. Мне нужен семейный статус для получения государственного оборонного контракта. Это условие тендерной комиссии. Без штампа в паспорте меня даже не рассмотрят.

Дина стояла и чувствовала, как мозг отказывается это обрабатывать. Прямо вот физически — как компьютер, который зависает на загрузке.

— Вы... — Она засмеялась. Коротко, нервно, зло. — Вы что, серьёзно?

— Я всегда серьёзно.

— Вы хотите, чтобы я... вышла за вас замуж... чтобы закрыть долг моего отца?!

— Да.

Одно слово. Без паузы, без колебания, без тени сомнения. Да. Как будто он подтверждал заказ в ресторане.

Дина повернулась к отцу. Тот сидел с закрытыми глазами.

— Ты знал?! — Голос сорвался, и ей было плевать. — Ты знал, зачем он меня позвал?! Ты... ты привёз меня сюда, чтобы... продать?!

— Дин, это не так...

— А как?! Как, пап?! Как это выглядит?! Ты проиграл двенадцать миллионов, и вместо того чтобы... я не знаю... пойти в полицию, найти адвоката, хоть что-то... ты притащил меня к мужику, который хочет купить себе жену?!

— Я не покупаю, — сказал Рагозин.

Дина резко обернулась к нему.

— А что вы делаете?! Что это?! Как это называется?!

Он встал с края стола. Медленно. Выпрямился. И когда он стоял в полный рост — вот так, в двух метрах от неё, — Дина вдруг поняла, насколько он крупный. Не толстый, не раздутый — а большой. Как дверной проём, который занимает всё пространство.

— Это называется предложение, — сказал он. — Взаимовыгодное. Мне — контракт. Тебе — свободный от долга отец. Полгода. Потом развод, и ты меня больше не видишь.

— Тебе? — переспросила она. — Мы на «ты» перешли? Когда? Я пропустила?

Уголок его рта дрогнул. Почти незаметно. Почти — но она увидела.

— Хочешь на «вы» — пожалуйста.

— Я хочу уйти. Вот чего я хочу.

Она развернулась. Шаг к двери, второй...

— Дина, — голос отца — срывающийся, мокрый. — Дина, подожди, пожалуйста! Ты не понимаешь, они... эти люди... они придут. Они уже приходили. Они...

Она остановилась. Рука — на дверной ручке. Костяшки побелели.

— Они мне пальцы сломали, — сказал отец. — На прошлой неделе. Два пальца. Правая рука.

Дина стояла спиной. Не двигалась. Не дышала.

— Они сказали... — он всхлипнул, и этот звук — мужской, старый, жалкий всхлип — ударил её под дых. — Они сказали, что в следующий раз будет хуже. И что...

— Хватит, — сказала Дина.

Тихо. Почти шёпотом.

—...и что если не отдам в течение месяца...

— Я сказала — хватит!

Она обернулась. Глаза горели, челюсть — неподвижная. Но губы дрожали. Совсем чуть-чуть. Она ненавидела себя за это.

Рагозин стоял и смотрел. Молча. Не давил, не уговаривал, не торопил. Стоял — и ждал. Терпеливо, как человек, который привык ждать. Часами. В засаде. В тишине. Пока цель сама не выйдет на линию.

— Условия, — сказал он после паузы. — Хочешь услышать?

— Нет.

— Контракт на шесть месяцев. Проживание совместное — у меня квартира на Остоженке, отдельная комната, личное пространство. Появления на публике — три-четыре раза в месяц, по моему графику. В остальное время живёшь как

жила. Работа, кот, что угодно. Я не лезу в твою жизнь, ты — в мою.

— Я сказала — нет.

— Долг аннулируется в день свадьбы. Полностью. Плюс ежемесячная компенсация — триста тысяч на личные расходы. По истечении контракта — развод и квартира в собственности. Однокомнатная, но в нормальном районе.

Дина смотрела на него и чувствовала, как внутри всё скручивается. Потому что он говорил это таким тоном... деловым. Спокойным. Как будто речь шла о закупке канцтоваров. И это бесило. Бесило так, что хотелось запустить в него тем горшком с фикусом — если бы Бисмарк его не сожрал.

— Вы, — начала она, и голос звенел, — серьёзно думаете... что можно прийти к человеку, которого вы в глаза не видели, и сказать: «Выходи за меня, я плачу», и этот человек — что? Побежит в ЗАГС?

— Нет. Я думаю, что у этого человека нет двенадцати миллионов. И что её отцу через месяц сломают не пальцы, а позвоночник.

Удар. Прямой, точный, без замаха.

Дина сглотнула. Ладони мокрые, сердце колотится где-то в горле.

— Вы...

— Я не заставляю. — Он развёл руками. Жест был спокойным, открытым — и совершенно ненастоящим. — Это предложение. Откажешься — я верну долг тем, у кого купил.

И дальше — их дело.

— Это шантаж.

— Это выбор.

— Это одно и то же!

Он качнул головой.

— Нет. Шантаж — это когда нет вариантов. У тебя есть вариант. Найди двенадцать миллионов — и мы разошлись.

Дина стиснула зубы. Стояла, смотрела на него, и в голове крутилась одна мысль — тупая, назойливая, как сирена: у неё нет денег. У неё нет никого, кто мог бы дать такие деньги. У неё нет выхода.

И он это знал. С самого начала знал. Потому и позвал.

— Три дня, — сказал Рагозин. — Подумай. Взвесь. Обсуди с кем хочешь. Через три дня я жду ответ.

— А если мой ответ — нет?

Он пожал плечами. Легко, почти небрежно.

— Тогда — нет.

— И вы вернёте долг... этим?

— Да.

— И моего отца...

— Это уже не мой вопрос.

Дина почувствовала, как что-то горячее поднимается от живота к горлу. Злость. Чистая, белая, обжигающая. Не на отца — к нему было что-то другое, тяжёлое и болезненное. А к этому... Рагозину. К его спокойному голосу. К взгляду, в котором не было ни одной трещины. К его «это уже не мой

вопрос». К тому, как он стоял — уверенный, нестигаемый, привыкший, что мир прогибается под него.

— Знаете что, — сказала она. — Идите вы к чёрту. С вашим контрактом. С вашей квартирой. Со всем вашим...

Она махнула рукой — широко, злым жестом, обведя кабинет, стол, панорамное окно, его самого.

— Со всем этим.

Развернулась. Рванула дверь на себя. Вышла.

Коридор — длинный, гулкий. Каблуки... нет, кроссовки — шлёпают по мрамору. Лифт. Кнопка. Вниз. Охранник за стойкой поднял голову — она швырнула пропуск на стойку и вышла на улицу.

Дождь. Холодный, мелкий, противный. Она стояла на ступенях бизнес-центра, без капюшона, без зонта, и дышала. Часто, рвано, глотая воздух вместе с водой.

Двенадцать миллионов.

Сломанные пальцы.

«В следующий раз будет хуже».

Контракт. Жена. Полгода.

Господи.

Господи, Господи, Господи...

Она вытерла лицо — не поняла, дождь это или слёзы, — достала телефон и вызвала такси.

Дорога домой прошла в тумане. Она сидела на заднем сиденье, прижавшись лбом к холодному стеклу, и не видела ни улиц, ни фонарей. Внутри было пусто. Как в комнате, из ко-

торой вынесли всю мебель — и осталось только эхо.

Бисмарк встретил её у двери. Ткнулся лбом в щиколотку, мурлыкнул. Дина подняла его, прижала к себе — он был тёплый, мягкий, живой, — и простояла так минуту. Или пять. Или десять.

Потом поставила кота на пол, сняла мокрую куртку, кроссовки, бросила всё у порога. Прошла в комнату. Села на кровать.

Мысли возвращались по одной — медленно, нехотя, как непрощенные гости.

Отец. Игра. Долг. Сломанные пальцы. Рагозин. Кабинет. Его голос — глухой, выжженный, как будто все эмоции в нём давно перегорели и осталось только... командование.

«Выйдешь за меня.»

Не «выйдешь ли». Не «не могла бы ты». Не вопрос. Приказ. Как будто она — рядовой, а он — всё ещё майор.

Дина легла, натянула одеяло до подбородка и смотрела в потолок. Бисмарк запрыгнул на кровать, устроился в ногах, завёл свою мурлыкающую машину. За окном — дождь. Часы на телефоне — 23:47.

Можно не думать об этом. Можно закрыть глаза и утром проснуться, и это будет просто дурной сон. Можно...

Телефон зазвонил.

Номер — незнакомый. Длинный, городской.

Дина смотрела на экран. Сердце стукнуло — гулко, тяжело, один раз.

Она знала, кто это. Знала — и всё равно ответила.

— Да.

— Три дня, Ежова.

Голос. Тот самый. Низкий, глухой, без единого сбоя. Ни здравствуйте, ни извините за поздний звонок. Три слова. И её фамилия — как печать.

— Откуда у вас мой номер? — спросила она.

Глупый вопрос. Она это понимала. У него — охранный холдинг, связи, ресурсы, люди. Её номер он мог найти за тридцать секунд. Её адрес — за минуту. Её размер обуви — за две, если бы захотел.

— Три дня, — повторил он. — Подумай.

— Я уже подумала. Нет.

В трубке стало тихо.

— Это «нет» сейчас, — сказал он. — Не «нет» навсегда. Ты это знаешь. И я это знаю.

— Вы не знаете обо мне ничего.

— Я знаю, что ты заплатишь ипотеку послезавтра и у тебя останется четырнадцать тысяч до конца месяца. Я знаю, что ты единственный ребёнок и что матери не стало шесть лет назад. Я знаю, что ты ушла от парня в марте прошлого года и сняла трубку отцу, хотя могла не снять.

Тишина. Тяжёлая, густая.

— Вы... — Дина сглотнула. Горло перехватило. — Вы следили за мной?

— Я проверял. Это разные вещи.

— Это одно и то же!

— Нет. Слежка — это камеры. Проверка — это открытые базы. Спокойной ночи, Ежова.

Гудки.

Дина сидела на кровати, держа телефон обеими руками, и чувствовала, как дрожат пальцы. Не от холода. Не от страха. От ярости. От бессилия. От того, что он был прав — и она ненавидела его за это больше всего.

«Это „нет“ сейчас. Не „нет“ навсегда.»

Бисмарк поднял голову, мяукнул — тихо, вопросительно.

— Знаешь что, Бисмарк? — сказала Дина в темноту. — Жизнь — это полное...

Она не договорила. Уткнулась лицом в подушку.

За окном шёл дождь. Часы показывали 23:52.

До ответа оставалось три дня.

Глава 2. Три дня

День первый.

Дина проснулась от того, что Бисмарк сидел у неё на голове.

Не рядом. Не у плеча. На голове. Всем своим рыжим, шестикилограммовым, мурлыкающим телом. Хвост лежал у неё на лице, и каждый раз, когда она пыталась вдохнуть, в нос забивался кошачий мех.

— Бисмарк

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.